

**Былины и стихотворения
графа А.К. Толстого и А.Н.
Майкова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б95

Б95 Былины и стихотворения графа А.К. Толстого и А.Н. Майкова / – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 66 с.

ISBN 978-5-521-28275-3

ISBN 978-5-521-28275-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Илья Муромецъ.

Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
Хлѣба кусъ жуя,
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья
Ѣдетъ боромъ,—только слышно,
Какъ бряцаетъ бронь.
Топчетъ папортникъ пышный
Богатырскій конь.
И ворчитъ Илья сердито
— Ну, Владиміръ, что-жь?
Посмотрю я, безъ Ильи-то
Какъ ты проживешь!
Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
Не пировъ держусь;
Я мужикъ неприхотливый,
Былъ бы хлѣба кусъ!
Но обнесъ меня ты чарой
Въ очередь мою—
Такъ шагай же мой чубарый
Уноси Илью!
Безъ меня другихъ довольно,
Сядутъ—полонъ столъ;
Только лакомы ужъ больно,
Любятъ женскій полъ

Всѣ твои багатыри-то,
Значить—молодежь—
Вотъ безъ стараго Ильи-то
Какъ ты проживешь!
Тѣмъ то я ихъ болѣ стою,
Что забылъ ужъ бабъ,
А какъ тресну булавою—
Такъ еще не слабъ!
Правду молвить,—для княжого
Не гожусь двора,
Погулять по свѣту снова
Безъ того пора.
Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ,
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ.
Душно въ Кіевѣ, что въ скрынѣ,
Только киснетъ кровь,
Государынѣ-пустынѣ
Поклонюся вновь!
Вновь извѣдаю я старый,
Волюшку мою—
Ну же, ну, шагай чубарый,
Уноси Илью!
И старикъ лицомъ суровымъ
Просвѣтлѣлъ опять,
Понутру ему здоровымъ
Воздухомъ дышать.
Снова вѣтъ воли дикой
На него просторъ;
И смолой, и земляникой
Пахнетъ темный боръ.

С а д к о.

Сидить у царя водяного Садкѡ
И съ думою смотреть печальной,
Какъ моря пучина надъ нимъ высоко
Синѣетъ сквозь теремъ хрустальный;
Тамъ ходятъ какъ тѣни, надъ нимъ корабли,
Товарищи тамъ его ищутъ.
Тамъ берегъ остался цвѣтущей земли,
Тамъ птицы порхаютъ и свищутъ.
А здѣсь на него любопытно глядитъ
Бѣлуга, глазами моргая,
Иль мелкими искрами мимо бѣжитъ
Снитковъ серебристая стая.
Куда онъ ни взглянетъ—все синяя гладь,
Все воду лишь видитъ да воду,
И пѣсни усталъ онъ на гусяхъ играть
Царю водяному въ угоду.
А царь, улыбаясь, ему говорить:
— Садкѡ, мое милое чадо,
Повѣдай, зачѣмъ такъ печалень твой видъ?
Скажи мнѣ, чего тебѣ надо?
Кутья-ли съ шафраномъ моя не вкусна?
Блины съ инбирѣмъ не жирны ли?
Аль въ чемъ не привѣтна царица-жена?
Аль дочери чѣмъ досадили?
Смотри, какъ алмазы здѣсь ярко горятъ!
Какъ много здѣсь яхонтовъ алыхъ!
Сокровищъ ты столько нашелъ бы наврядъ
Въ хвалѣныхъ софійскихъ подвалахъ!
Ты, гой-еси, царь-государь водяной,

Морское пресвѣтлое чудо!
Я много доволенъ твоею женой
И мнѣ отъ царевенъ не худо;
Вкусны и кутя, и блины съ инбирёмъ,
Одно, государь, мнѣ обидно,
Куда ни посмотришь, все мокро кругомъ,
Сухого мѣстечка не видно!
Что пользы мнѣ въ томъ, что сокровищъ полны
Подводные эти хоромы!
Увидѣть бы мнѣ хотя-бы зелень сосны,
Прилечь хоть на ворохъ соломы!
Богатствомъ своимъ ты меня не держи;
Всѣ роскоши эти и нѣги
Я-бъ отдалъ за крикъ перепёлки во ржи,
За скрипъ новгородской телѣги?
Давно такъ не видно мнѣ божьяго дня,
Мнѣ запаху здѣсь—только тина;
Хоть дегтемъ повѣяло-бъ разъ на меня,
Хоть дымомъ курнаго овина!
Когда же я вспомню, что этой порой
Весна на землѣ расцвѣтаетъ,
И самъ ужъ не знаю что станетъ со мной:
За сердце вотъ такъ и хватаетъ!
Теперь у насъ пляски въ лѣсу молодомъ,
Забыты и стужа, и слякоть—
Когда я подумаю только о томъ,
Отъ грусти мнѣ хочется плакать!
Теперь, чай, и птица, и всякая звѣрь,
У насъ на землѣ веселится;
Сквозь листь прошлогодній пробившись теперь,
Синѣтъ въ лѣсу медуница!
Во свѣжемъ, въ зеленомъ, лѣсу молодомъ

Березой душистою пахнетъ
И сердце во мнѣ, лишь помыслию о томъ,
Съ тоски изнываетъ и чахнетъ!
— Садкѣ, мое чадо, городишь ты вздоръ,
Земля нестерпима отъ зною,
Я въ этомъ сошлюся на цѣлый мой дворъ,
Всегда онъ согласенъ со мною.
Мой теремъ есть моря великаго пупъ,
Твой жребій, стало быть, свѣтелъ;
А ты не понятливъ, несвѣдущъ и глупъ,
Я это давно ужъ замѣтилъ.
Ты въ думѣ пригоденъ въ моей засѣдать,
Твою возвеличу я долю,
И санъ водяного совѣтника дать
Тебѣ непременно изволю!
— Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Премного тебѣ я обязанъ,
Но почести я недостойнъ морской,
Ужъ очень къ землѣ я привязанъ.
Бывало, не все тамъ норѣвилось мнѣ,
Но пѣ-сердцу было иное;
Съ тѣхъ поръ же, какъ я очутился на днѣ,
Мнѣ все стало мило земное;
Припомнился пѣсь мнѣ, и грязенъ и хилъ,
Въ репьяхъ и сору извалялся;
На пиръ я въ ту пору, на званный спѣшилъ,
А онъ мнѣ подъ ноги попался;
Брюзгливо взглянувъ, я его отогналъ,
Ногой оттолкнулъ его гордо —
Вотъ этого пса я-бъ теперь цѣловалъ
И въ темя, и въ очи, и въ морду.
— Садкѣ, мое чадо, на кую ты стать

О псѣ вспоминаешь сегодня?
Зачѣмъ тебѣ грязнаго пса цѣловать?
На то мои дочки пригоднѣй.
Воистину, чѣмъ бы ты имъ не женихъ?
Я вижу, хоть въ усъ и не дую,
Пошла за тебя бы любая изъ нихъ—
Бери-жъ себѣ въ жены любую!
— Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Морское пресвѣтлое чудо!
Боюсь, отъ брака съ такой женой
Не вышло-бъ душѣ моей худо!
Не спорю, онѣ у тебя хороши,
И цвѣтъ ихъ очей изумрудный,
Но только колючи онѣ какъ ерши,
Намъ было-бъ сожителство трудно.
Я тѣмъ не порочу твоихъ дочерей,
Но я бы не то, что люблю,
А всѣхъ ихъ сейчасъ промѣнялъ бы, ей-ей,
На первую дѣвку рябую!
— Садкѣ, мое чадо, ужъ очень ты грубъ,
Не нравится рѣчь мнѣ такая;
Когда бы твою не цѣнилъ я игру-бъ,
Ногой тебѣ далъ бы пинка я.
Но печени какъ-то сегодня свѣжо,
Веселье въ утробѣ я чую;
О свадьбѣ твоей потолкуемъ ужо,
Теперь же сыграй плясовую!
Ударилъ Садкѣ по струнамъ трепака,
Самъ къ чорту шлетъ царскую ласку,
А царь, ухмыляясь, уперся въ бока,
Готовится, дрыгая, въ пляску:
Сперва лишь на мѣстѣ поводитъ усомъ,

Щетинистой бровью киваетъ;
Но вотъ запыхтѣлъ, и надулся какъ сомъ,
Все болѣ его разбираетъ.
Похаживать началъ, плечами шевеля,
Подпрыгивать мимо царицы,
Да вдругъ какъ поидетъ выводить вензеля,
Такъ всѣ затряслись половицы.
— Ну, мыслить Садкѣ, я тебя заморю!
Съ досады быстрѣй онъ играетъ,
Но какъ не частить, водяному царю
Все болѣе силъ прибываетъ.
Пустился на вывертъ пятами мѣсить,
Закидывать ногу за ногу,
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядѣть индо страшно, ей-Богу!
Бояре въ испугѣ ползугъ окарачь,
Царица присѣла ажъ на-полъ,
Пищатъ-инъ царевны, а царь себѣ вскачъ
Знай чешетъ ногами оба-полъ.
То, выпятя грудь, на придворныхъ онъ претъ,
То, скорчившись, пятится бокомъ,
Ломаетъ колѣнца и въ задъ, и впередъ,
Валаетъ загрѣбомъ и скокомъ.
И все веселѣй и привольнѣй ему,
Колѣнца выходятъ все круче—
Темнѣе становится все въ терему,
Надъ моремъ собираются тучи..
Но шибче играетъ Садкѣ, осерча,
Сжавъ зубы, и брови нахмуря,
Онъ злится, онъ дергаетъ струны съ плеча
Вверху подымается буря..
Вотъ дальними грянулъ раскатами громъ,

Сверкнуло въ пучинномъ просторѣ,
И огненнымъ свѣтомъ зардѣла кругомъ
Глубокая пра-зелень моря,
Вотъ крики слышались тамъ высоко:
То гибнуть пловцы съ кораблями...
Отчаяннѣй бьетъ пятернями Садкò,
Царь бѣшеннѣй мѣситъ ногами!
Въ присядку понесъ его чортъ ходуномъ,
Онъ фыркаетъ, пышетъ и дуетъ,
Гремитъ плясовая, колеблется домъ,
И море реветъ и бушуетъ...
И вотъ пузыри отъ подстѣбны пошли,
Садкò уже видитъ сквозь стѣны:
Разбитые кò-дну летятъ корабли,
Крутятся средь ила и пѣны;
Онъ видитъ: морякъ не одинъ потонулъ,
Въ немъ сердце исполнилось жали,
Онъ сильною хваткой за струны рванулъ —
И, лопнувъ, онѣ завизжали.
Споткнувшись на мѣстѣ, сталъ царь водяной,
Ногою подъятой болтая:
— Никакъ подшутилъ ты, Садкò, надо мной?
Противна мнѣ шутка такая!
Не въ пору невѣжа, ты струны порвалъ,
Какъ разъ, когда я расплясался!
Такого колѣна никто не видалъ,
Какое я дать собирался!
Зачѣмъ здоровѣе ты струнъ не припасъ?
Какъ буду теперь безъ музыки?
Аль ты, неумытый, плясать въ сухоплясь
Велишь мнѣ, царю и владыкѣ?
И плёскомъ чешуйнымъ въ потылицу царь

Хватилъ его, ярости полный,
И вотъ завертѣлся Садкò какъ кубарь,
И вверхъ понесли его волны...

Сидить въ Новѣградѣ Садкò невредимъ,
Съ нимъ вящіе *) всѣ уличане **);
На скатерти бранной шипигъ передъ нимъ
Вино въ венецейскомъ ***) стаканѣ.
Степенный посадникъ, и тысяцкій тутъ ****),
И старыхъ посадниковъ двое,
И съ ними кончанскіе старосты пьютъ—
Здоровье Садку круговое.
— Повѣдай, Садкò, уходилъ ты куда?
На чудскую Емь, аль на Балты?
Гдѣ бросилъ свои расшивныя суда?
И безъ вѣсти гдѣ пропадалъ ты?
Поетъ и на гусяхъ играетъ Садкò
Поетъ про царя водяного:
Какъ было тамъ жить у него нелегко,
И какъ ужъ онъ пляшетъ здорово;
Поетъ про походъ, безъ утайки, про свой,
Какая чему была чередъ —
Качаютъ въ сомнѣніи всѣ головой,
Не могутъ разсказу повѣрить.

*) Вящіе—главные, самые важные.

**) Уличане—обитатели такой-то улицы. Великій Новгородъ въ древности дѣлился на Софійскую и Торговую стороны, которыя, въ свою очередь, дѣлились на концы, а концы—на улицы.

***) Венецейскій—венеціанскій. Съ Венеціей, богатымъ итальянскимъ государствомъ, Новгородцы вели торговлю.

****) Посадникъ и тысяцкій—выборные начальники.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ.

Кто весломъ такъ ловко править
Черезъ аиръ и купырь?
Это тотъ Поповичъ славный,
Тотъ Алёша-богатырь.
За плечами видны гусли,
А въ ногахъ червлёный щитъ;
Супротивъ его царевна
Полонёная сидитъ.
Подъ себя поджала ножки,
Лѣтникъ *) свой подобрала,
И считаетъ робко взмахи
Богатырскаго весла.
— Ты почто меня, Алеша,
Въ лодку пѣсней заманилъ?
У меня женихъ есть дома,
Ты-жъ, похитчикъ, мнѣ не милъ!
Но, смѣясь, Поповичъ молвитъ:
— Не похитчикъ я тебѣ,
Ты вошла своею волей,
Покорись своей судьбѣ!
Ты не первая попалась
Въ лодку, дѣвица, мою;
Знаменитымъ птицеловомъ
Я слыву въ моемъ краю;
Безъ силковъ и безъ приманокъ
Я не разъ межъ камышей
Голубыхъ очеретянокъ

*) Лѣтникъ—женская одежда.